

**Биографические страницы жизни, ветерана Великой
Отечественной войны 1941-1945 гг.
ветерана труда и военной службы Советской армии
Третьякова Петра Лазаревича**

**На добрую память ветерану Великой отечественной войны
1941-1945 гг. ветерану труда и военной службы Советской армии Петру
Лазаревичу Третьякову**
от учащихся Студии «Камера смотрит в мир» МКУДО «Дом детства и
юношества «РИТМ» города Шадринска, 2015 год.

**Биографические страницы жизни, ветерана Великой
отечественной войны
1941-1945 гг. ветерана труда и военной службы Советской
армии
Третьякова Петра Лазаревича.**

Много лет я думал написать на бумаге всё, что видел и слышал в свои детские и юношеские годы. Всё, что мне рассказывали мои родители – отец Лазарь Калинович, мать Варвара Алексеевна и дедушка Калина. Меня интересовало всё, что было связано с нашими предками. Кто они, откуда пришли в глухие сибирские просторы, их занятия и образ жизни. Сейчас на склоне своих лет, трудно вспомнить всё, что видел, слышал и лично пережил. Годы работы во время Великой Отечественной войны в нашем Усть-Ламенском совхозе, на нашей Луковке, учёба в школе ФЗО города Новосибирска, работа в городе Челябинске, после школы ФЗО на машинном заводе, большая

трудовая жизнь и многолетняя служба в Советской армии, многое выветрило из памяти, запомнилось лишь то, что забыть нельзя. Свои воспоминания о нашей родословной мне рассказал мой дядя, полковник в отставке, Петр Калинович. С уважением и благодарностью вспоминаю мои встречи и душевные беседы с ним. Это был дорогой моему сердцу, родной человек.

Предположительно в самом начале 1800 года, по указу царя, в составе переселенцев из центральных губерний России, на берег реки Кама прибыл Третьяков Федул (отчество неизвестно). Располагая богатством и крепким здоровьем, Федул открыл строительство усадьбы на берегу реки Кама Каинского уезда, ныне Куйбышевского района Новосибирской области, в сплошном лесном массиве. Федулом был построен огромный крестовый дом, из бревён хвойных пород, на бойком весёлом месте (такие воспоминания дошли до меня). Дом имел шестнадцать приступок, широкий подъезд и высокие придворные (тесовые) ворота говорили о богатстве двора. Дом этот простоял до конца 1800 года.

Единственный сын у Федула был Карпей. До восемнадцати лет Карпей ходил без штанов, в длинной холщовой рубаше, это, видимо, было обычаем в те времена. Большая любовь к нему, как единственному сыну, со стороны родителей, избаловало его.

Предание говорит, что он никакими работами в домашней обстановке не занимался. Единственное его любимое занятие ловля капканами зверьков, а в летнее время ловить рыбу в ручьях, с ботом, сетями, мордушками.

После смерти отца, в конце 1800 года, Карпей Федулович продал дом и всё придворное хозяйство и уехал на золотые прииски в Томскую губернию, где пробыл недолго. Вернулся в деревню Каму, познакомился с Анной Ивановной и в тот же год они поженились. Семейный уклад и трудовая сибирская жизнь с годами перевоспитала Карпея Федуловича.

Будучи женатым на Анне Ивановне, (прожившей 105 лет), имея очень большую силу и крепкое здоровье, у него появилось огромное желание благоустроить свой семейный очаг. С этой целью, на старом отцовском месте, построил пятистенный дом (я помню этот дом и бывал в нём), а проданный отцовский дом у нового хозяина сгорел.

Карпей развёл большое подсобное хозяйство, использовал при этом наёмный труд. Шли годы, у них родилось пятеро детей – Евдокия, Викул, Максим, Калина и Иван.

К моменту рождения детей, Карпей Федулович хорошо изучил Библию и Закон Божий. Эти знания ему давали право проводить

вероисповедания. Очень старательно прививал своим детям любовь к священному писанию и строго спрашивал за непослушание Закону Божьему.

В совершенстве зная священное писание и Закон Божий, Карпей Федулович вступил в спор с православным попом Нестеровским, по поводу некоторых библейских первоисточников и истин Старого Завета. Как бы он не оспаривал и не отстаивал свои знания и убеждения, правдивыми «Старообрядческая» вера была в подчинении православной. В том споре их рассудил уездный суд. По решению суда Карпей Федулович был посажен в тюрьму на полтора года. Вернуться из мест заключения он не смог, не в состоянии был перенести горькую обиду и как считал он несправедливому решению

суда, уехал в Урман, деревню Майзас, за 960 километров на север Томской губернии. Уехал с тем, чтобы перевезти детей, жену Анну Ивановну и весь домашний скарб. После его отъезда Анна Ивановна осталась с пятерыми детьми. Трудно себе представить, как было ей тяжело растить, учить и воспитывать детей без отца.

Старожилы вспоминали её огромную силу, терпение, смирение и выдержку переносить сибирское лихолетье. Обладая огромной физической силой Анна Ивановна воспитывала в детях трудолюбие и послушание Библейской истины. По прибытии в Майзас, старожилы зная его, как глубоко верующего, избрали попом Старообрядцев, но долго в Майзасе он оставаться не мог, так как дети, жена требовали его возвращения к семье. Вернувшись в деревню Каму к детям, жене, он много читал церковные материалы, Библию сельчанам. Но горькая обида к попу Нестеровскому обуревала им. Он не смог смириться с решением суда и снова уехал в Урман, в деревню Майзас, где прожил до глубокой старости и там же потерял зрение. Будучи глубоким стариком, совершенно слепым, вернулся в Каму, к старшему сыну Викулу. Находясь совершенно в слепом состоянии он занимался по дому физическим трудом как то: пилил один дрова, складывал дрова в поленицы, а так же громко читал молитвы, многочисленно которых знал наизусть. В церковные праздники он молился по всем ночам (записывается как передали наши родные нам). В Каме был старообрядческий молитвенный дом, куда приводил его сын Викул. Прожил Карпей у сына Викула до самой смерти и умер в 98 лет. Похоронен на старообрядческом кладбище – в Каме. Поп Нестеровский спасался от преследований с наступлением Красной армии, освобождавшей Сибирь от Колчака, бежал в город Томск, где органами ВЧК был пойман и расстрелян.

Коротко о себе.

Родился я в далёкой таёжной деревушке Сибири, 5 июня 1930 года я громким криком оповестил Сибирскую тайгу о своём прибытии этот технократический, суетный мир, в далёкой деревушке Чижалке, Пудинского района Томской губернии (ныне Новосибирской области). В двадцатые годы двадцатого столетия там, в Пудинском районе, была создана артель по заготовкам пушнины, а вырос и сделал первые шашки на нашей родимой Луковке. Там съел первый кусок хлеба, заработанный собственными руками. Там неожиданно для себя познал чувство любви и горечь разлуки. Однако душевная связь с родимым гнездышком никогда не прерывалась. Я очень любил наши края, нашу речку Каму, с её крутыми берегами, где в детстве излазил, изучил глубину многих омутов. Познал радость рыбалки на крючки в заливах с сетями и мордушками. В полях и по берегам реки росло много смородины, клубники.

Росли и возрастали мы с чистейшим воздухом, родниковой водой, натуральными продуктами, всё это давало возможность быть нам детям, здоровыми, крепкими к трудным обстоятельствам, закалёнными. Здесь я, вместе с семьёй, пережил жуткое время Великой отечественной войны. В семнадцать лет оставил родительский дом, ушёл в большую жизнь.

Красивая таёжная природа, где водилось великое множество зверей, птиц, рыбы, кедрового ореха, грибов и ягод, привлекли моего отца, Лазаря Калиновича. Зимой 1921 года мои родители переехали за сотни километров на север от своей деревни Камы Каинского, ныне Куйбышевского района. Заготовками пушнины, рассказывал отец, занимались охотники – промысловики, которые обеспечивались заготовительными организациями всем необходимым, как то с винтовками, боеприпасами, одеждой, обувью, продуктами питания – мукой. Составом артели отлавливали: белку, соболя, хорька, горностая, куницу и других животных. Отстреливали сохатых лосей, оленей, коз. Летом ловили рыбу, сушили, солили, вялили, заготавливали грибы и солили в бочки. Добывалось большое количество кедрового ореха, ягод и всё добытое отправлялось через заготовительные организации в крупные города. Какова бы не была красота Сибирской тайги и окружающая природа и всё, что с ней связано, наша мать Варвара Алексеевна, не смогла привыкнуть к таёжному быту. Живя в тайге, мама сильно скучала о своей деревне, родных своих, подругах. Отец рассказывал мне, бывало когда приходил с охоты с богатой добычей, видел мать заплаканной. Со слезами на глазах упрашивала его вернуться к родным своим, в свою родную деревеньку. Надобно видеть и понять отца, как тревожило его сердце, скучающее мамино состояние. Расставаясь со своим любимым занятием, охотничьим делом, отец подчинился настойчивым просьбам мамы и весной 1931 года вернулись в родную Каму.

В двадцатые годы в Каме был духовный центр, православная церковь, куда меня принесли 7 июня для крещения. Перед крещением батюшка усмотрел, что я родился в Петров день, моё первоначальное имя Алимпий отменил и дал новое имя – Петр. Записали в церковную книгу под именем Петра и родители установили год рождения 7 июня 1931 года, не фактический год рождения 5 июня 1930 года, а год крещения – 7 июня 1931 года.

Мне пришлось через восемьдесят лет, через суд, через органы Загса Томской и Новосибирской областей, через родных, знакомых собирать фактический материал о своём дне рождения. Об этом очень длительном и напряжённом труде я расскажу отдельно.

После возвращения родителей в Каму не увидели они улучшения жизни сельчан, как и прежде большинство их жили в бедноте. Земель у них было мало и та неплодородная.

Лучшие земли находились у кулаков, на которых работали наши родственники и простолюдины. Мне отец и дедушка рассказывали, Иван старший работал на поповский двор, Петр работал на кулака Рахлинского, ему в помощники был приставлен Иван младший. Отец Лазарь Калинович, работал на кулака Мальцева Харитона и он же был хозяином маслобойни.

В деревне кулаки выделялись своим бытом и отношением к простым людям, им жилось хорошо, у них были большие дома, с большими тесовыми воротами, на дворах много скота и птицы. За которыми ходили батрачьи семьи и за маленькую плату. В амбарах у них большие запасы зерна и муки. Их дети хорошо одевались, сытно ели. В школах учились, вели себя высокомерно. В 1929 году 15 съезд партии взял курс на более решительное наступление на капиталистические и кулацкие элементы. В городе и деревне держа курс на ликвидацию кулачества как класс.

Время диктовало переход к крупному сельскохозяйственному производству. Рассматривалось. Что эту задачу могла решить только коллективизация крестьянских хозяйств на пути колхозно-совхозного строительства и вывести страну на широкую дорогу социалистического строительства, а миллионы трудящихся крестьян избавились от кулацкой кабалы, нищеты и невежества. Живя в такой обстановке мои родители принимают решение переехать во вновь создаваемый Усть-Ламенский совхоз 161 Венгеровского района, куда направлялись лучшие работники города и деревни, где быстро создавалось крупное животноводческое хозяйство.

К 1938 году, по рассказам отца, было освоено сотни тысяч гектаров новых земель. Ежегодно повышалось производство мяса, молока, масла. На этой основе стало повышаться благосостояние тружеников совхоза. Среди работников появилась заинтересованность и активность в работе. Усть-Ламенский совхоз занимал одно из лучших мест хозяйств района и области. За достигнутые успехи по выполнению государственного плана СССР по надоям молока, производства зерна, многие труженики совхоза, в том числе и наш отец, награждены правительственными наградами, премиями, поездкой на ВДНХ в Москву.

Наш отец в то время занимал ответственные должности: управляющего фермой, бригадира животноводческой бригады, где было сотни дойных коров, лошадей, молодняка, мало находился дома. Вся тяжесть работ, хлопот и благоустройства лежало на нашей маме, дедушке, а потом и на мне.

Мне казалось, что отец не находя времени побыть дома, работает сверх сил своих, мне как старшему сыну, было грустно, а временами и огорчало меня. Когда отец находил время побыть дома, все мы братья и сёстры лепились к нему, а дедушка засыпал его вопросами. Я помню он даже вступил с ним в спор, говорил: «Неправильно вы эксплуатируете землю. Вспашите, дайте ей год – два отдохнуть Земля матушка даст вам двойной – тройной урожай».

Вся моя детская жизнь, школьные годы, прошли с моим дорогим, горячо любимым дедушкой Калиной. Когда я был ещё ребёнком, дедушка после смерти бабушки Хавроньи Семёновны, живя с нами, проявлял ко мне, как к первому внуку, большую любовь, внимание и ласку.

Его жизнь от колыбели до девятилетнего возраста неразрывно была связана с Сибирскими лесами, полями и водоёмами. Он был глубоко верующий. Никто никогда не видел и не слышал от него резкого заносчивого обращения. Он был очень простой – прямой и честный. Помню, мне говорил: «Внучек, никогда не воруй, не ври, чужого не бери, но и своё не разбрасывай». Дедушка в комнате, перед иконами, молился и крестился. Иногда подолгу. Во время молитв никто не смел входить и прерывать его моление. После молитвы мы садились за стол, завтракать или обедать. После обеда говорил: «Ну вот внучок, а теперь благословясь пойдём работать». Мы жили в старом бревенчатом доме, первой постройки. Вечерами, после молитвы, мы ложились спать на полати. Одним из самых больших удовольствий было у дедушки рассказывать о своём прошлом и службе в Царской армии 1914 года, во время первой мировой войны. Помню, он рассказывал, как ему опытному коневоду, была доверена большая честь, возить полковника Царской армии. За добросовестное отношение к службе и примерное содержание конского состава, полковник вознаграждал дедушку полтинником, а после излечения, подарил металлическую щётку для чистки лошадей, в то время это считался ценный подарок). Слушая дедушку, я затаив дыхание, старался запомнить всё, что им сказано.

Ко мне дедушка был очень добрым и ласковым. Простой от природы, он в моём детском сознании был непререкаемым авторитетом. Вспоминая свои детские годы, я как хвостик был привязан к моему милому и доброму другу, дедушке.

Когда мне исполнилось 7-8 лет, дедушка брал меня в поле, по дороге много рассказывал о животном и растительном мире Сибири, а так же где бывал, что видел и что пережил за свою очень трудную, насыщенную большим трудом жизнь, я с большим интересом слушал его. Спрашивал о том, что не понимал и тут же получал ответ.

Дедушка был совершенно неграмотный, но обладал феноменальной памятью. Он помнил всё, что происходило за прошедшие пятьдесят – шестьдесят лет и более в России и Сибири. В своей деревне знал всех по имени отчеству и по годам рождения.

Любимым занятием у нас с дедушкой было придти на косачиный ток, изготовить балаганчик, замаскировать так, чтобы косачи не обнаружили нас. В моём детском сознании дедушка был непререкаемым авторитетом. Дедушка очень любил природу, охоту, рыбалку. «Вода и лес», говорил он успокаивают душу. С самого младенческого возраста он старался привить во мне всю красоту Сибирской природы, приучал к труду. Много мне рассказывал о растительном и животном мире, где он так много видел и знал. Спал я с дедушкой на полатях, в старом доме, постелью у нас был довольно большой войлочный потник и небольшие подушечки, набитые душистой травой. На полатях, после рассказов, бывало дедушка обнимет меня, как птенчика, своим могучим организмом, так и засыпали.

Когда мне исполнилось восемь лет, дедушка брал меня в поле, где по дороге, я с большим интересом слушал его. Я очень хорошо помню то счастливое время, когда приближалась весна Великой отечественной войны, в наших сибирских лесах и полях водилось великое множество тетеревов, зайцев, косуль, волков. С приходом весны собирались большие стаи косачей на токах. Нашим любимым занятием была подготовка к весенней ловле косачей на токах. С этой целью дедушка сплетал петли из волос конского хвоста. С большим нетерпением я ждал того момента, когда мы с дедушкой пойдём на косачиный ток, чтобы поймать живого петуха. Накануне, мы обустроивали балаган, примерно за 40 метров косачинового тока.

Сидя в балагане до рассвета, мы с дедушкой были охвачены такой тишиной, таким счастьем. Чистейшим воздухом нас охватывает такое глубокое чувство счастья, радости, передать невозможно, а воздух до чего прохладен и чист. От волнения, ожидая косачиный драки, не чувствуется прохлада утреннего раннего часа времени. По дорожкам, где бегают и дерутся косачи, дедушка устанавливал петли.

Как мне представлялось, это было ответственное занятие. До рассвета дедушка будил меня и говорил: «Внучек, кичиги далеко ушли, вставай, собираться будем. Скоро светать будет». После таких слов дедушки, я как по тревоге, вскакивал и быстро одевался. Рано утром, с начала рассвета, мы приходили на обустроенный нами балаган. С замиранием сердца, затаив дыхание, ждали появления главного токовика. С появлением первых отблесков рассвета, появлялся на току главнокомандующий, который подает команду к великой косачиный битве.

Через короткое время начинают подлетать косачи. С восходом солнца, начался мощный касачиный бой – гул стоит. Да! Это зрелище надо видеть. Идёт мощная битва за победу – какую победу? И за что? Дерутся красавчики с высоко поднятой головой и вздыбленным хвостом.

Случилось однажды так, пойманный косач в плёнку, подлетел с чашинкой к нашему балагану, я готов был выскочить из балагана, чтобы взять косача, но дедушка остановил меня, сказав: «Пугать косачей в самом жарком не надо».

Когда солнце поднимется, косачиный ток начинает редеть. Дедушка разрешает мне выходить из балагана и собирать пойманных косачей. Нет предела моей радости возвращаясь домой. Я шёл по деревне, впереди дедушки, гордый, с высоко поднятой головой. Спереди и сзади на мне висели косачи. Наша соседка Епифановна Петрова, говорила видя нас, проходивших мимо, «Смотрите, бабоньки, Петька то Варваркин, опять прёт косачей».

Моего милого доброго друга дедушку я очень любил, гордился им и старался запомнить всё, что он делал, говорил и чему учил. Очень хорошо помню были моменты, когда дедушка уходил в себя, подолгу молчал, не разговаривал. О чём в эти минуты думал, неведомо, знать некому. Во время, когда дедушка молчал, мне было грустно и скучно, но я не смел спросить его, «Почему ты дедушка молчишь, о чём думаешь?». В минуты молчания он садил меня рядом, молча гладил своей шершавой рукой меня по голове и как бы этим молчанием развеивал своё одиночество.

Как сон пролетели предшкольные летние дни моего детства, с моим милым и добрым другом дедушкой. Пришло время готовиться и идти в школу, в первый класс. Мне показалось, больше всех этому событию радовался дедушка. Много раз он говорил: «Внучек – ученье свет, а не ученье тьма. Всё, что будет говорить учительша, слушать и запоминать, не крути головой и не смотри по сторонам.

Будь славным учеником». Когда я возвращался из школы дедушка встречал меня радостными, искренними глазами. Он не спрашивал какие оценки получил, он спрашивал, как я веду себя на уроках, всё ли запомнил, что говорила учительница и довольна ли она моим поведением. Первая моя учительница была Агеева Валентина Ивановна. При встрече с моей учительницей, дедушка почтительно приветствовал её и не смотря на свой старческий возраст кланялся ей. К нам на ферму приезжали чиновники из района и области, но ни к кому он так уважительно не относился, как к нашей сельской учительнице.

Самую крупную пойманную рыбу дедушка велел относить учительнице. Я очень хорошо помню, когда мы жили ещё в старом доме, дедушка обустроивал в сенях на лето топчан, ложил на него толстым слоем душистой травы и застилал покрывалом, а по углам ложил пучки полыни. Я не любил запах полыни, морщился, а дедушка говорил «Полынь – это Божья трава, полынь любить надо. Полынь отпугивает разнородную тварь. Полынь чистит нас и освежает мозги».

Шли годы в нашей семье появились на свет братья и сёстры. Перед Великой отечественной войной нас было пятеро: Таня, Коля, Нюра, Митя и я. Среди всех детей самая хитрая и сообразительная – Таня. Она могла умело втереться в доверие к дедушке и расположить его сердце к себе, результатом чего, дедушка мог сверх положенного дать ей лишний кусочек сахара или лампосейку. Когда мои братья и сёстры стали подрастать, как и в каждой семье, начали выяснять отношения между собой.

В такой обстановке родители и дедушка терпеливо применяли метод убеждения, но когда этот метод не срабатывал дедушка избрал метод принуждения и сделал плётку из двух концов сыромятной кожи и прибил на полочку. Назвал это орудие устрашение – двухвосткой. Однако это орудие наказания мне очень не нравилось и гнетуще на меня воздействовало. Рано утром я спрятал плётку и этим хотел снять с себя и моих братьев орудие устрашения.

Наша мама, как хороший психолог, усмотрела что кроме меня спрятать плётку из наших братьев никто не мог. С улыбкой она сказала «Петя, принеси плётку и повесь на место». Мне ничего не оставалось делать. Я принёс плётку так же с улыбкой повесил на место.

Помню такое событие, забыть нельзя. В жаркий июньский день 1941 года всей семьей мы были на огороде, работали, что-то делали. На ферму приехал совхозный партийный работник и объявил жителям фермы, что началась война с фашистской Германией. Собрался митинг, на котором партработником было сказано, что идёт мобилизация в Красную армию на отпор врагу, вероломно напавшего на нашу Родину, Советский Союз. Всё сразу как-то потускнело, умолкли на ферме песни и мы школьники притихли, что будем делать в военной обстановке, не знал никто. В те июньские жаркие дни по мобилизационному призыву на фермерских подводах уезжали наши новобранцы – цвет совхоза: трактористы, комбайнёры, животноводы. С большим сожалением наш отец, управляющий фермы, расставался с великими тружениками, которые так много делали для выполнения государственного плана, прославляли своим трудом наш Усть-Ламенский совхоз.

22 июня 1941 года прозвучал голос диктора Юрия Левитана: Из заявления Советского правительства 22 июня 1941 года, сегодня в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу Родину, атаковали наши границы, города Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и другие города. Отечество в опасности, но наше дело правое, враг будет разбит. Победа будет за нами.

Отец сидит в косоворотке,
А мама в платье – крепдешин
Отец пока, что без пилотки,
А мама пока, что без морщин

Шла жестокая кровопролитная война. В нашем совхозе, как и во всей стране, заправляли всем женщины, старики да подростки.

Помню, как стали приходить с фронта наши сельчане, без рук, без ног, искалеченные. В голодной, холодной военной обстановке наш дедушка, участник первой мировой войны с Германией, вселял людям надежду, говорил «Не падайте духом, верьте, наша Красная армия разобьёт Германию, одержит победу. Главное сейчас сплотиться и выстоять и лучше работать для фронта». Наступил сентябрь 1941 года, это был последний год моей учёбы в 4 классе с моими сверстниками. Это был для всех нас торжественный и вместе с тем омрачённый войной день.

В школе в первую смену учились первый и третий классы, а со второй смены – второй и четвёртый. Мы очень бережно относились к карандашам, тетрадям и чернилам. Иногда приходилось писать на старых газетах и письмах. Мои школьные друзья: Терентьев Миша, Бушманов Анатолий, Шмаков Гриша, Тумашевская Вера, Петрова Маруся, Щетинина Маруся и другие. Детям войны – братьям посвящаются строки:

Была зима и жёсткой и
метельной,
Была судьба у всех людей
одна.
У нас и детства не было
отдельно,
А были вместе детство и
война.

Пройдут года, но те дни и ночи
Не раз придут во сне к тебе и
мне.
И пусть мы были маленькими
очень,
Мы тоже победили в той войне.

Сейчас на склоне лет я вспоминаю с любовью моих школьных друзей детства.

Наше детство, как у миллионов мальчишек и девчонок Советского Союза было загублено войной. Мы жили, как и всё поколение военного времени. Это было детство в неволе. Нам, детям войны, досталось больше чем взрослым. Мы рано познали, что такое не детский труд. Холод, голод, хлеб из отрубей и то только тем, кто работал, по 500 грамм. полугнилой, мороженой картошки, болтушка из колосков, если была такая возможность, перемолоть на жерновах в подполье.

Прошло семьдесят лет, как нет той войны, а память о ней забыть нельзя – невозможно. Через семьдесят лет, после окончания страшной войны, пишу эти строки, живым и мёртвым, моим школьным друзьям и всем тем, с кем работал, и своим трудом приближали день великой Победы.

Мальчишки, девчонки военной поры,
Вы рано познали все беды.
Достойно трудились во время войны
Во имя великой Победы.
Вы дети суровой кровавой войны
Победу трудом отстояли
Вы были опорой в тылу для страны
Пощады себе не искали.
Мальчишки, девчонки
Теперь старики
Вы страшную жизнь пережили,
Достойно живите всему вопреки,
Вы этого все заслужили.

Мои братья и сёстры:

Таня – 1936 года рождения;
Коля – 1938 года рождения;
Нюра – 1939 года рождения;
Митя – 1940 года рождения (умер в годы войны);
Тоня – 1942 года рождения (умерла в годы войны);
Владимир – 1945 года рождения.

После окончания учебного года, нас, учеников, разбили по группам, для работы на ферме. Одна группа работала на прополке овощей, другая на переборке совхозной картошки, в последующем на сенокосе. Закончил четвёртый класс я хорошо. Большое желание было учиться и дальше, но десятилетние школы были в Каме и за 65 километров в районном центре – Венгерovo.

Мои родители, дедушка, решили определить меня для учёбы в пятом классе, за двадцать километров, в деревне Каме, к родным нашим - Добрышным. Помню мама сшила мне рубаху – толстовку – и сумку для ношения книг и тетрадей из грубой холщевой ткани, и к первому сентября, на совхозной лошадке, дедушка увёз меня в Каму, и определил на жительство и учёбу. Вместе со мной учились мои троюродные братья и сёстры. Моей радости не было предела, когда мы братья собирались у одних из наших родственников.

Все наши родные люди уважительно относились к нам, ученикам, разных классов и каждый из нас старался блеснуть перед родными своими знаниями. Иногда, слушая нас, наш старший брат Семён Тихонович, тут же обезоруживал нас, за слабость наших знаний.

Нам было очень неуютно перед родными. Учёба мне давалась легко, я хорошо запоминал домашние задания, старался быть примерным учеником так, как приходилось отчитываться перед родителями и дедушкой. Учительница по арифметике была у нас Прасковья Михайловна, очень добрая и внимательная к нам, а учитель по истории и ботанике Андрей Иванович, высокого роста и очень строгий. Те, кто слабо усваивал материал, он оставлял после уроков. Помню, был случай, когда мой ответ ему не понравился, он оставил меня со всеми отстающими. Мне было до слёз обидно, но зато я тот материал усвоил на отлично. Первую четверть я закончил успешно. Зимой, в январе 1943 года, приехал к родным на каникулы.

Мой добрый и очень строгий друг дедушка, засыпал вопросами, имел ли замечания от учителей, чему тебя они научили и много других вопросов. Я видел его искрящиеся глаза, что он доволен моей учёбой. Говорил: «Учись, внучек, ученье свет, а не ученье - тьма». Его крылатые слова много раз были сказаны мне.

На следующий день моих каникул, наш полевод Быстров Виктор Михайлович, увидел меня на ферме и спросил «Петька, ты, что ходишь, баклуши бьёшь, не работаешь». Я ему ответил: «Учусь в школе, приехал на каникулы». «Война идёт, какие каникулы? Завтра же выходи на работу, помогай, дружкам в работе. Война закончится, потом учиться будешь». Горькая обида охватила меня, было очень жаль бросать учёбу. Ведь там, были братья и сдружился со многими школьниками. Пришёл домой, забился в угол, долго, горько плакал.

Сейчас пишу биографические страницы, оглядываясь через прожитую жизнь, понимаешь, в каких чрезвычайно трудных военных обстоятельствах, руководству совхоза и фермы приходилось выполнять государственный план страны, с малочисленной рабочей силой. В то же время шли неутешительные сообщения с фронта.

Враг бросал всё новые и новые военные ресурсы, чтобы уничтожить народы Советского государства. Помню! В этой обстановке были вы вешаны транспаранты на здании школы, клуба и конторы «Враг будет разбит! Победа будет за нами!».

Зимой, 1942 года, в наш совхоз и на нашу ферму, было эвакуировано несколько семей с детьми из Ленинграда. Люди прибывшие из северной столицы, наши одноклассники, вели себя недружелюбно. Старались выделиться среди нас «фермерских», показывая свою эрудицию, образованность, то есть, мы не такие, как вы – темнота, мы лучше, а временами впадали в оскорбления.

Называли нас «Сибирскими валенками». Такое состояние среди нас терпимым дальше не могло продолжаться. Мой друг Миша Терентьев, встретил Ленинградского «героя» и сказал : «До каких пор вы будете оскорблять нас, называя «сибирскими валенками», возьми свои грязные слова обратно и извинись». В ответ, тот показал Мише фигуру из трёх пальцев. В страшной ярости, Миша так избил его, что несколько дней он не выходил из дома. Мать нашего Ленинградского «героя», написала заявление в суд, потребовала провести дознание и привлечь Мишу к суду. Приехал милиционер, для разбирательства, но Мишу не нашли, он скрывался у нас, в подполье. При проведении дознания и показания свидетелей, милиционер не нашёл состава преступления и закрыл дело. Мой друг, Миша вышел из подполья, радостный и счастливый. Справедливость восторжествовала.

Время хороший исцелитель душ. Наши Ленинградские товарищи не стали показываться в общественных местах, в клубе. Чтобы снять с себя обиду, заставить их извиниться, за нанесённые оскорбления, Миша избрал новый метод. При встрече с «героем» брал его за горло так, что у него синели глаза. К этому методу, более скромно, прибегал и автор данных строк.

Не помню, но время как то само собой сближало нас. Они стали проявлять к нам живой интерес, а мы в свою очередь стали более терпимы. Стали встречаться. При наших встречах, они рассказывали нам о Ленинграде, о его достопримечательностях. Мы слушали раскрыв рот. Мы впервые узнали кто такой клоун и что собой представляет цирк. В последующем наши встречи и общение скрепили нашу дружбу, и мы само по себе становились друзьями. Забыли о наших обидах. Конечно на фоне их, Ленинградцев, мы были плоховато одеты, внешне выглядели плоховато, но зато в костях мы были намного крепче.

Закончилась война. Уезжая, наши Ленинградские товарищи, ставшие друзьями, на прощанье крепко пожимали нам руки, а мы в свою очередь желали благополучного возвращения в свой родной Ленинград.

Будильник и часы были у единственного скотовода, с ужасной фамилией – Перебейнос, которому поручалось будить людей в четыре часа утра, ударяя большим молотком в под вешанную металлическую рельсу у конторы, в центре деревни, и наш тихий семейный уют так же был разбужен. Удары в рельсу указывали всем труженикам, занятым на животноводческой бригаде пора вставать и выходить на работу. Наши дома освещались семи и девяти линейными керосиновыми лампами, а в скотных дворах керосиновыми фонарями. Просыпаясь, мама, первого будила меня. Уходя на работу давала наказ, что сделать, какую работу выполнить. Всё говорило о неукоснительном выполнении задания. Помню, проснувшись, я видел сваренную похлёбку, картошку в мундире. Мама! Когда же ты спала? И спала ли вообще? Отвечала «Ничего, ничего, Петя, закончится война, все вы подрастёте и мы заживём припеваючи». Всю изо дня в день войну наша жизнь была наполнена большим трудом, постоянными заботами и тревогами. С центральной фермой, директором и совхозными специалистами поддерживалась связь по рации.

Утром и вечером в установленное время в конторе управляющего фермой утром проводилась директором планёрка с руководителями ферм, а вечером передавались сводки выполненных работ и возможные давались распоряжения, специалистами совхоза для дополнительного исполнения плана работ.

Есть женщины в русских
селеньях
Спокойною внешностью лиц
Красивые силой движенья
Походкой и взглядом цариц.
Таких лишь слепой не
заметит
А зрячий о них говорит:
Пройдёт будь то солнцем
осветит
Посмотрит - рублём одарит
Красавицы – миру на диво
Высоки, румяны, стройны
Во всякой одежде красивы
Ко всякой работе ладны.
И голод и холод выносит

Во всём терпелива она
Я видел, как она косит
Что взмах и готова копна.
Красивые, ровные зубы
Что крупные перла у ней
И строго румяные губы
Хранят красоту от людей.
По будням не любит
безделья
Зато вам её не узнать
Как сгонит улыбку весельем
С лица трудовую печаль.
В игре её конный не словит
В беде не сробеет, спасёт
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдёт.

17 декабря 2016 года, Варварин день, мучительные 20 лет. В этот день 17 декабря 1906 года родилась наша мать, Варвара Алексеевна.

За годы Великой отечественной войны, вплоть до осени 1947 года поступления в школу ФЗО города Новосибирска, со всей прямотой и ответственностью скажу: мы с мамой вынесли основную тяжесть военного времени. На наших плечах лежало всё. Все материальная жизнь семьи. Благодаря могучему, крепкому здоровью

мамы, мы дети, выжили, не замёрзли, не умерли с голода.

В самые чрезвычайно тревожные, критические моменты войны, особенно в 1942 – 1945 годы. Я не видел испуга, паники в нашей маме, казалось всё, в те минуты рушится, валится, можно впасть в отчаяние, наша мать становилась собранной, решительной, наполненной верой в свои могучие силы. Закалённая сибирским лихолетьем, я видел, хорошо помню, во всём её облике, движениях чувствовалась проделанная большая физическая работа. Была она уставшая, озабоченная, но подавленной никогда наша мать, сильная духом вселяла в нас надежду на выживание.

Жутко вспомнить и даже описать всё, что пережито, выстрадано, в те, теперь далёкие военные годы. У меня не хватает душевной силы описать на бумаге. Сейчас в год семидесятилетие годовщины Великой победы. Всем нам, её детям, надо низко поклониться её праху. Нашей святыне. Нашей дорогой, горячо любимой спасительнице.

К нам на ферму иногда привозили кинопередвижку. Билет стоил пять рублей. Кто не имел возможности купить билет, крутил генератор и в это время успевал смотреть и слушать, что читает при показе киномеханик. В нашем Усть-Ламенском совхозе было семь ферм – животноводческих хозяйств. Единственный фельдшер находился на центральной ферме, который мог дать совет по рации или направить для больного лекарство.

На ферме работал скотский врач самоучка Полуцкий. Который установил вопреки здравому смыслу далеко не справедливый порядок. Без основания и причины, без проводимых анализов, считал дворовую скотину больной. По этой же причине лишал семью кормилицы. К нему, как к человеку, сельчане относились с невысоким доверием и уважением.

Наша мать во время войны работала на разных тяжёлых сезонных работах. Летом на сенокосе, косила литовкой траву для закладки в силосные ямы, молоканке. Мать была физически сильным человеком. Во время уборки урожая легко поднимала мешки с зерном и переносила на большое расстояние.

На бочке возила сливки, во флягах, на центральную ферму, а на обратном пути хлеб, корреспонденцию, посылки. Письменные распоряжения руководителей совхоза – специалистам фермы.

Братик Митя был у нас слабенький. В 1942 году серьёзно заболел коклюшем, не имея медицинской поддержки – умер. Дедушка с деревенскими плотниками изготовили гробик. Похоронили в холодную зиму 1942 года. Я долго горевал о смерти брата, летом приходили на кладбище, приводили его могилку в порядок. После смерти Мити, на следующий год, мать родила девочку, назвали её Тоней. Через нескольких недель после родов, перетянув живот, мать вышла на работу, чтобы зарабатывать на пропитание и паёк в 500 грамм хлеба, поддержать семью. Во время уборки урожая руководители фермы направляли всех, кого только возможно, чтобы собрать и сохранить выращенный урожай. Для уборки урожая, в сжатые сроки, директором совхоза на ферму направлялись самосброски, на скашивание пшеницы и других культур – ручные веялки и две грузовые машины ЗИС -5, с деревянной кабиной, на которых перевозили зерно с поля на ток фермы, с последующим перевеиванием вручную и засыпали в хранилища.

В дополнении о себе. Я был ещё одним ребёнком моих родителей и пользовался неразделённой любовью и лаской дедушки. Хорошо помню, жили мы в старом доме. Дом был разделён на довольно свободную кухню и горницу.

При входе в дом, справа, большая русская печь, а напротив полати. На кухне и в горнице по два окна, длинный деревянный диван. В горнице в углу иконостас, с многочисленными иконами. Перед входом в дом большие сенки, плетёные лозой и заштукатуренные беляком, где хранилась домашняя утварь и продукты. Сколько я себя помню, дедушка приучал меня к труду.

Показывал как надо собирать щепочки и аккуратно сложить в поленницу. Летом нарезал много веников и мётел. Я старался помогать ему в этом. Дедушка подвешивал десятки пар веников в сенях от которых шёл душистый берёзовый запах, это с детства осталось в памяти.

Рядом с нашим домом жила семья Тумашевских. Отец, мать, две девочки и один мальчик. Наши дома разделял узкий проход между домами огородами. Старшую дочь звали Вера. Я помню, мы дети, жили по соседству, играли, росли, развивались. С Верой у меня была хорошая детская дружба. Вера была старшая в своей семье, а я в своей. Когда наши родители были на работе, под нашим присмотром находились наши братья и сёстры, а когда пришло время нас с Верой определили в первый класс. Учительница посадила нас на первую парту, потом меня пересадили на последнюю.

По какой причине нас рассадили не знаю. Видимо мы подсказывали друг другу во время уроков, а учительнице такое поведение не нравилось.

Шла война, опустошая города и сёла Советского Союза. Помню над входом в контору висели транспаранты. Написаны большими буквами: «Всё для фронта, всё для победы! Враг будет разбит, победа будет за нами».

Почтальон был самым желанным и самым тревожным гостем на Луковке. В каждую фронтовую семью ежедневно приходили то радостные, то печальные известия. Одного наградили за хорошее исполнение воинского долга, а другой при обороне или наступлении, на фронте убит или пропал без вести. С похоронкой, как на всю фермы, разносились на всю деревню, раздирающие рыдания и причитания. Слыша стоны и рыдания, дедушка говорил: «Опять убили, а работник хороший был». В самые тяжёлые годы войны, я хорошо помню, люди замерзали, умирали от голода. У Веры отец был хороший столяр, работал бригадиром плотницкой бригады. На его ответственности лежало состояние скотных дворов, помещений, там, где была необходимость в ремонте, бригада его выполняла ремонтные работы. Как хорошего специалиста, на фронт не призывали, держали на броне, но чрезвычайно тревожная обстановка на фронте требовала людские ресурсы. Зимой 1943 года, отца Веры призвали на фронт. Осталась семья без кормильца. На хрупкие детские плечи Веры легли все заботы – хлопоты, по дому, а мать её, как и все женщины фермы, работала по двенадцать часов в день и без выходных.

Через полгода семья Тумашевских получила похоронку, где извещалось, что боец Тумашевский, при обороне Ленинграда погиб как герой. Через много лет трудно описать на бумаге, всю ту трагедию, боль и страдание наших добрых соседей и моей одноклассницы Веры. Мне было жалко Веру до слёз. После гибели отца на фронте, Вера находила время, сходить к фронтовикам – калекам. Помогала в чём они нуждались, в обиходе, мыла пол, стирала бельё, делала всё, о чём они её просили. Хорошо помню, когда Вера вспоминала своего отца, на глаза навёртывались слёзы, говорила: «Какие мы были бы счастливые, если бы живой был наш папа. Пусть хоть какой бы был калекой». Я не видел Веру угрюмой, опечаленной. Она была постоянно в работе, в труде. Так она была воспитана родителями, не хныкать, не жаловаться на судьбу, а больше работать и учиться. Трудности в работе и учёбе, это хорошая школа жизни. Надо сказать, вот с такими качествами люди выживали в годы войны и спасали других, одерживали победы на трудовом фронте.

После работ наших матерей, меня мама посылала попроведовать соседей.

Иногда Вера по необходимой нужде, посылаемая матерью, приходила к нам. Жили по соседству, поддерживали семью морально и материально, как могли. Потеряв отца на фронте, Вера как старшая дочь и помощница матери, не пала духом, научилась всему, косить сено, доить корову, пилить и колоть дрова, запрягать лошадь. Нас многому учил дедушка, сельхоз работам и радовался, когда у нас получалось в работе. Однажды, я огорчил дедушку своей плохой работой. Как это было: Он поручил мне отбить литовку, не имея опыта, я набил столько хлопущ на полотне, что ему пришлось перебивать. Дедушка увидев мою плохую работу сказал: «Дружок, едрёна ж мать, плохи твои дела», и показал как надо аккуратно работать по полотну.

У Веры получалось лучше, особенно всё, что было связано с землёй и работы на ней. Видя её старания и способности, быстро усвоить дело, дедушка говорил: «Хорошая девка, старательная. Умелая хозяйка будет».

К 1947 году Вера хорошо усвоила работу учёчика. В обязанности учёчика входило, во время посевной компании - делать замеры вспаханной и засеянной земли, а во время сенокоса – замерять стога сена и передавать сводки на центральную ферму. Я удивлялся, с каким страстным старанием она исполняет свои обязанности. Помню, при нашей встрече, я спросил Веру: «Трудно ходить в начальниках?», улыбаясь отвечала: «Пока с трудностями справляюсь».

Ну а если станет невыносимо трудно, вы наверное, нам окажите помощь, как оказывали в годы войны. Особенно тогда, когда мы остались без папы». После наших встреч, начались взаимные тяготения друг к другу. Помню, она говорила: «Я очень хочу учиться, получить среднее образование и научиться работать бухгалтером». Я в то время не соображал, кем бы хотел стать, но учиться в школе мне хотелось.

Зимой 1943 года, моя учёба в пятом классе была прервана. Это было для меня тяжёлое переживание, не только расстаться со школой, но и с двоюродными братьями и сёстрами, с друзьями по школе, с которыми так крепко сдружился, проживая в Каме.

Наш совхоз 161, Усть-Ламенский, вместе со всем Советским народом вступил в 1945 год – год Великой победы.

Ежедневно передавались сообщения с фронта, по единственному радио, установленному у конторы, куда мы приходили послушать новости с фронта. В сводках Совинформбюро передавалось об освобождённых городах Советского Союза, о победах красной армии на широком фронте, а так же сообщалось о кровавых, страшных преступлениях немецко - фашистских захватчиков на советской земле. Тысячи городов и населённых пунктов разгромлено и сожжено.

Так же сообщалось, что красная армия развернула мощное наступление в глубь Германии. Радость победы над врагом входила в каждый дом, в каждую семью, а в апреле 1945 года советские войска начали штурм Берлина – логова фашизма. 30 апреля 1945 года, разведчики Егоров и Кантария, водрузили знамя Победы над рейхстагом. Неописуемой радостью охватило сообщение: 9 мая объявлен был День Победы. Долгожданный День Победы. Трудно передать всю ту радость, охватившей от малого до большого великого. Надо сказать Победу над злейшим врагом человечества – фашизмом, ковал рабочий класс и крестьянство в деревне, преодолевая

неимоверные трудности и лишения военного времени, отдавая все свои силы делу защиты Родины. В войне победил, несмотря на тягчайшие испытания, а так же ошибки и преступления и Сталина и его окружения в тридцатые годы, двадцатого столетия. В историю нашей Родины вошли бессмертные подвиги нашего народа и советской армии. Пройдут века, потомки грядущих поколений будут продолжать воздавать должное советскому народу – народу победителю, герою, труженику, его доблестной рами и флота, прошедшей с боями тысячи километров, каждый из которых стоил многих жизней, немалой крови и пота. Годы Великой отечественной войны – это самые тяжёлые, славные героические страницы в летописи нашей Родины. Написанные о мужестве и отваге величайшей самоотдаче и самопожертвовании миллионов.

Закончилась четырёхлетняя кровопролитная война. Все мы были бывшие школьники стали взрослыми. Работали каждый на своём участке. В свободное от работы время встречались, вспоминали прожитые годы. Трудно сказать, в то послевоенное время, мог ли кто из нас строить планы на будущее. Главная задача страны была восстановление народного хозяйства, разбитого фашистской Германией. При наших встречах с Верой ещё больше сближало меня с ней. Мои мысли стали занимать всё время Верой. Детская, школьная дружба стала перерастать в более сильное чувство. Я как то не мог сказать ей об этом, да и она наверное не могла, не готова была выразить свои чувства и своё отношение ко мне.

Наступил 1947 год. Это был последний год моей работы и жизни в родительском доме, на нашей малой родине – Луковке. К этому времени, мы школьные, закалённые войной в труде, окрепшие, научились трудиться на сельскохозяйственных работах.

В холодную зиму 1946 – 1947 годов, морозы доходили до 49 – 50 градусов, я со своими одноклассниками возили дрова из леса, на быках в контору, школу, клуб, молокобанку и другие учреждения. С сено базы возили сено на скотные дворы.

Вручную на веялке провеивали зерно, стоял на прицепе трактора, при вспашке земли. Заправщиком чурочками газогенераторного трактора. Во время сенокоса на сенокосилке, на конских граблях, сгребал подсохшую траву и подвозил волокушей сено к стогу, во время мётки сена в стога. Там, где была необходимость в работе, нас, уже взрослых, посылали для выполнения срочных сельхоз работ.

Летом 1947 года наш земляк, Цепелев Александр приехал в гости, в отпуск к своим родителям. При нашей встрече Александр о многом рассказывал нам, живя и работая в красивом городе Новосибирске, а так же о досуге и условиях жизни. Александр, предложил нам фермерским ребятам, поступить в школу ФЗО. Ту, которую он закончил. Настоятельно предлагал, хватит вам быков погонять, да скотский навоз топтать, поедем, я вас устрою. Будете учиться, получите специальность, будете работать, и в будущем мне благодарны, так, как на заводах и фабриках, остро требуются рабочие специалисты для восстановления хозяйства страны. Предложение было очень заманчивым. В родительском доме, я сразу не получил согласия поехать учиться. Очень хорошо помню, дедушка вошёл в разговор и сказал: «Не задерживайте парня, пусть поедет учиться». Мой друг и одноклассник, Миша Терентьев, готов был поехать незамедлительно. Скажу откровенно, я колебался, мучительно размышлял, а что подумает и скажет Вера, о моём решении поехать. Оставить дом, родителей, свою Луковку, где прошли детство, школа, тяжёлые годы войны??? Сам я мучительно размышляя говорил себе, ведь моя детская дружба переросла в более сильное чувство, я полюбил её. Это были минуты душевно тяжёлые, мучительные. Видимо, сердце предчувствовало, что увижу Веру в последний раз. Вера не выделялась среди подруг, не манерой поведения, не лицом, не фигурой. Невысокая ростом, она подкупала душевной простотой общения, искренней дружбой. В её душе заложена какая то особенность общения, братолюбия. С ней приятно было работать и говорить. Не давшая сломить себя горем, гибелью отца, она стала ещё более энергичной, решительной, в трудную годину военной обстановки, она добивалась всего, за счёт неутомимого труда. Сейчас трудно описать на бумаге всё, что пережили люди Луковки и наши добрые соседи, Тумашевские. Только скажу я, благодаря любви к Родине и отечеству, своему родному очагу, люди выстояли, победили врага, а значит и смерть победили. Через несколько дней, в родительском доме, решили направить меня учиться. Конечно не без материнских слёз.

О нашем решении оставить совхоз и уехать учиться Новосибирск, школу ФЗО (Фабрично – Заводское обучение), узнал полевод Быстров Виктор Михайлович, вызвал в контору, злобно бросил взгляд: «Куда

собрались оболтусы?». Мой друг, Миша сказал: «В школу ФЗО - Новосибирск». Ответ: « Вас там дураков ещё не хватает». Миша: «А чтобы не быть дураками, вот мы решили поехать учиться, получить специальность и быть полезными обществу». С бешеным рёвом взревел, подошёл ко мне и в упор: «А тебе, дураку, чего не живётся? Войну пережил, с голоду не сдох, красивую жизнь захотел увидеть, смотри, как бы башку, да последние штаны не потерял». Я промолчал, ни одним словом на крик не ответил. С криком и воплем, круто выматерившись, сказал: «Из совхоза вас никто не отпускает, идите работать туда, куда я вас послал».

На следующий день в нашу защиту вступился Александр, сказав полеводу: «По указу товарища Сталина И.В., созданы школы, ремесленные училища и школы ФЗО, для подготовки специалистов

для восстановления народного хозяйства, которое так сильно разбитое фашистской Германией, а поэтому задерживать ребят не имеешь права».

Сейчас, на склоне лет, понимаешь полевода Виктора Михайловича, в каких чрезвычайно тяжёлых условиях находилось руководство совхоза, при выполнении государственного плана, по животноводству и полеводству, с малочисленной рабочей силой, да старой изношенной сельскохозяйственной техникой.

В предпоследний день, перед уходом на станцию Чаны, чтобы уехать в Новосибирск, я мучительно переживал расставание с родителями, братьями и сёстрами, бабушкой и конечно Верой. Помню, пришёл я к ней в дом проститься. Она встретила меня сияющей улыбкой. Не предвещая мой визит к ней. В белой кофточке, в момент прощания, Вера показалась мне особенно милой, любимой, привлекательной, самой близкой, дорогой....

С большим трудом я выдавил из себя: «Милая, Вера я завтра уезжаю в Новосибирск, в школу ФЗО, учиться». Раскрыв глаза, как будто в испуге, она долго смотрела на меня, а на глаза навертывались слёзы. Вдруг она приблизилась ко мне. Умоляюще, с сожалением упала мне на грудь и тихим голосом проговорила: «Милый, Петя, я очень тебя люблю». Прозвучал её гортанный голос, обжигая моё сердце. Залившие слезой, лучистые глаза и всем своим обликом она, как будто оборвала во мне живую ткань. Наше прощание превратилось в невыносимую муку.

Я Вере, обещал писать письма, в письмах описывать, как будет проходить учёба, новости городской жизни, в свою очередь, я просил отвечать на письма. Провожала нас Вера с другими подругами, далеко за деревню.

На прощание махала платочком до поворота дороги, пока поворот не разлучил нас навсегда.

Прощаясь, я поцеловал Веру в щёчку, это был первый в жизни поцелуй, оставленный любимой подруге детства и юности Вере Тумашевской. Прошло шестьдесят восемь лет с того дня, а милая, любимая подруга детства и юности, стоит перед глазами, машет платочком, провожая меня в большую жизнь, а значит и вечность....

Ранним осенним утром 1947 года, мы, провожаемые родными и подругами детства, вышли на станцию Чаны, пешком, так как с железной дорогой из отдалённых населённых пунктов сообщения не было. На шестые сутки мы пришли на станцию Чаны, а до станции Кривошского – пригород Новосибирска, ехали на крышах вагона в сопровождении Александра. Пришли мы в школу ФЗО № 20, которая располагалась на станции Кривошское, рано утром. Зашли в школу, закопченные паровозным дымом и пылью, грязные, как черти. Увидела нас воспитательница. Пожилая, но очень добрая, охнула: «Откуда вы такие красавчики?». Александр представил руководству школы наши свидетельства о рождении, так как, паспорта в совхозах, колхозах в то время не выдавали. Отправили нас в баню. Одели в школьную форму.

Провели беседу о строгом выполнении распорядка дня в школе и зачислили на все виды довольствия, а затем и разбили по группам. Мы с Мишей были зачислены в группу токарей. После деревенской жизни и работы всё было подчинено учёбе. Мы с большим желанием и интересом познавали теоретические вопросы, конспектировали по металловедению и металлообработке. В составе групп ходили на военный завод № 703, где практически совершенствовали знания работы на токарных станках. Вживаться в учебно - трудовую обстановку. Увлёкся интересными занятиями, делал старательно записи по изученным вопросам и самое главное стремился научиться работать на токарном станке. Наши группы токарей и слесарей определили на военный завод, куда мы ходили строем под руководством мастера производства.

На основном заводе, куда мы ходили на практические занятия, работали военнопленные немцы. С нами проводили беседы, предупреждали, не допускать грубого обращения к ним. Помню, один немолодой немец, в обеденный перерыв играл на губной гармошке, мы подходили к нему и просили сыграть нам что – ни будь русское. Но он лепетал вперемешку по немецки и по русски, так, что много было

смеха. Необходимо сказать, отношения к пленным было по человечески добрым и уважительным. Они работали на станках и на разных трудоёмких работах. Мы смотрели, как они работают, спрашивали, что интересовало, получали на ломаном русском языке ответ. Работая рядом с пленными, мы даже чувствовали, что это наши злейшие враги. Да и они сами понимали, что совершил их бесноватый фюрер.

В первые дни жизни и учёбы в городских условиях, после деревенских, всё было незнакомо, непривычно и не уютно, но в последующем я стал привыкать.

Для практических занятий меня определили к молодой девушке, Лиде Зайчиковой, учеником. К этому времени Лида в совершенстве усвоила работу токаря на универсальном станке. Самое первое, что потребовала от меня, строго соблюдать меры техники безопасности, провела занятие. С большим интересом я старался запомнить всё, что говорила наставница и записывал в тетрадь. Я стремился к тому, чтобы мне было разрешено работать на токарных станках. В выходные дни нас возили в кинотеатры, показывали фильмы довоенных и послевоенных лет. Особенно запомнились фильмы: «Чапаев», «Броненосец Потёмкин». Затаив дыхание смотрели в оперном театре «Молодая гвардия». Это было захватывающее зрелище.

Смотрели фильм «подвиг разведчика», где играл Павел Кадочников, про нашего земляка, прославленного разведчика Николая Ивановича Кузнецова. В пятидесятые годы, я бывал на родине Николая Ивановича, в деревне Зырянка, Талицкого района Свердловской области, а на станции Талинка, в музее Николая Ивановича, встречался с учительницей, которая хорошо знала семью Кузнецовых. На станции Талинка установлен памятник герою Советского Союза Кузнецову Николаю Ивановичу.

Будучи на службе в Советской армии, мне пришлось побывать на Уралмаш заводе в Свердловске, где работал Николай Иванович и в музее, директором которого работал его брат, Виктор. Он рассказывал о нём, зачитывал его письма перед высадкой в глубокий тыл партизанского отряда «Победитель», которым командовал полковник Медведев Дмитрий Николаевич и он написал книгу «Это было под Ровно».

В перерывах и в свободное время наш молодой мастер, молодой мужчина, забыл его имя и отчество, рассказывал, он был к нам добрым и доверчивым, комментировал каждые отдельные сюжеты фильма. Для нас было интересно и поучительно.

Продолжая учёбу в школе, я писал письма Вере, получал ответные, полные ласки и любви, пожеланиями успехов в учёбе.

В своих письмах, Вера, сообщала новости, какие происходили на ферме, в совхозе. Писала, как меняется послевоенная жизнь, сообщала радостные новости. В декабре 1947 года была отменена карточная система. Люди вздохнули от страшных воспоминаний войны. Вера продолжала работать учётчиком, писала, кроме основной работы на неё возлагали другие общественные нагрузки. Писала, что встречается с моими родными, друзьями. Все они передают приветы, пожелания, успехов в учёбе и дальнейшему обустройству в самостоятельной жизни. Верины письма читал и перечитывал, на каждое её письмо отвечал двойным. Жил надеждой, что будущая моя жизнь и работа будет строиться неразрывно с Верой, какие бы трудности не встали на жизненном пути.

В июне 1948 года наша учёба в школе ФЗО № 20 закончилась. Мы сдали экзамены, нам выдали аттестаты с присвоением четвёртого разряда токаря. Аттестат хранится и по сегодняшний день. Перед отправкой, перед выпускниками выступил директор школы, Климов,

участник войны, с добрыми напутственными словами, пожеланием совершенствовать своё мастерство, полученное в школе, «Пусть наша школа станет для вас, выпускников 1948 года, путеводной звездой на большом жизненном пути. В добрый самостоятельный путь, дорогие товарищи». Да! Это были тёплые прощальные слова директора, человека прошедшего тяжелейшие испытания войны. В июне, в двадцатых числах, 1948 года, нашу группу токарей и слесарей, перевезли в город Челябинск.

Вначале на завод теплоприборов, а впоследствии на постоянное место жительства и работы на военный завод № 78. В 1949 году завод перепрофилировали с названием машиностроительный имени Серго Орджоникидзе.

Работал на заводе, а мысли были заняты Верой постоянно. Через мастера и отдел кадров мне стало известно, что через год после учёбы и год работы на заводе, мне представится очередной отпуск с выездом на родину. Узнав об этом, моей радости не было предела. Мои друзья по работе на заводе провожали меня, желали

благополучной поездки в отпуск и исполнения желаний. К поездке я готовился, стремился приобрести необходимое. Жил надеждой, что мой первый в жизни отпуск, послужит счастливому времяпрепровождению. При встрече с Верой у нас будет о многом поговорить.

Выезжая в наше родимое гнёздышко Луковку, по тем временам, я был довольно прилично одет. Вёз с собой патефон и много пластинок, так, как патефоны в деревне был единственным музыкальным инструментом. Под патефон пели песни довоенного и военного времени – танцевали.

Было лето, прекрасное, тёплое лето 1949 года. Когда я приехал на Луковку, встретиться со мной, в наш дом пришли все мои друзья, соседи. Но не было Веры. Потом мне рассказали, что Веру её мать, сестру и брата разыскал фронтовой друг, их погибшего отца, и после тяжёлого ранения и выздоровления, перевёз в большой город. Куда, адреса не осталось. Единственно о чём говорили, переехали в центральные районы России. Как всю мою душу охватило отчаяние, такой силы, чувство безнадежной тоски, что не находя себе места, ушёл в лес и там в дали от дома дал полную волю своим чувствам. Видя мою горькую тоску о Вере, мать успокаивала меня, говорила «Не убивайся, Петя, возможно Вера, ещё есть время, напишет письмо». Не до конца я провёл свой отпуск на своей милой, а теперь казалось чужой Луковке.

Уезжая в Челябинск, в моих мыслях, сознании, всё ещё пела, звучала, не допетая песня любви.

Уезжая, я оставил своим младшим братьям и сёстрам патефон и всё, что привозил с собой в отпуск.

Вернувшись в Челябинск, я включился в работу, комсомольскую жизнь. Поступил в вечернюю школу рабочей молодёжи. Цеховой комсомольской организацией был

принят в комсомол.

Это был Сталинский призыв в честь семидесятилетия со дня рождения вождя Иосифа Виссарионовича Сталина. По сталинскому призыву было принято более двух с половиной миллионов молодых людей Советского Союза. Ленинский комсомол, как помощник и резерв партии насчитывал более восемнадцати миллионов человек. Наша цеховая комсомольская организация принимала самое активное участие в жизни завода, проводились комсомольские собрания и конференции, на которых, принимались решения о награждении комсомольцев за трудовые достижения, при выполнении государственного пятилетнего плана и перевыполнения по отраслям народного хозяйства.

Наше общежитие № 24 на КБС, находилось недалеко от озера Смольного, куда мы ходили купаться. Там же и проводились соревнования по плаванию. Летом и осенью 1950 года с нами призывниками, офицеры военкомата проводили занятия по основам службы в Советской армии, изучению материальной части стрелкового оружия, а так же законами, изучению уставов и военной присяги. Строгому выполнению приказов командиров и начальников.

6 марта 1951 года Ленинским горвоенкоматом города Челябинска, я призван в Советскую армию, где определилась моя многолетняя армейская служба и супружеская жизнь.

Зимой 1955 года, будучи на службе в Советской армии, я приехал к родителям, в очередной отпуск. Ехал через Куйбышев – Каму на Луковку. В Каме побывал в гостях у родных наших. Там, при многочасовой нашей беседе, наш дядя Калинович – старший, многое рассказал мне о наших предках, о бабушке Маримьяне Фоминичне – нашей матери Варвары Алексеевны, белокурой, крупного телосложения, с длинной красивой, русой косой. Занималась Маримьяна врачебным делом, лечением животных – лошадей, коров и других. Пользовалась большим уважением жителей деревни и всех тех, кто приезжал к ней за советом или лечением. Иван Калинович, рассказывал: в 1914 – 1915 годах, в Сибири свирепствовала страшная

эпидемия, которая уносила десятки жизней сельчан. В те же годы, наша бабушка, очень серьёзно заболела и ещё в молодом возрасте умерла.

Наша мать, Варвара Алексеевна, в возрасте восьми лет осталась без матери, с братьями, Михаилом, Тихоном и Павлом. На её детские, хрупкие плечи легла вся тяжёлая работа по хозяйству. Училась наша мать всего два года, закончила два класса церковно – приходской школы. По причине нужды в семье, дальнейшая учёба была невозможна.

Из истории нашей семьи.

Дедушка, Калина Карпеевич, 1871 года рождения, на два года моложе бабушки Хавроньи Семёновны. Невысокого роста, но очень сильный и крепкий, телосложением, стройный, всегда в добром состоянии, весёлый, общительный. Своим нравом и общительностью дедушка быстро сближался с соседями, вопреки отцу, Лазарю Калиновичу, молчуну. Небольшая, борода с усами, подстрижен под горшочек. Прямая с поднятой головой походка. Глубоко верующий, он подчинял свои интересы вероисповедания. Однако позволял себе выпить спиртного и покурить табачок – самосад или папиросы – как называл их – пшеничными. В марте 1957 года, будучи на службе в Советской армии, я приехал в отпуск к родителям, родным своим. Увидел дедушку в преклонном возрасте, он был спокоен, по стариковски, добрым к детям войны, людям пережившим войну, но и тут чувствовался в нём прежний характер, закалённый сибирскими суровыми условиями жизни. У меня на фото видно: его с уверенно поднятой головой и твёрдым взглядом.

Нетрудно понять в его взгляде характер участника первой мировой войны 1914 года, перенёвшего тяжелейшие испытания – тяготы и лишения в той далёкой войне.

Бабушку, Хавронью Семёновну, я помню смутно. Мне было пять лет, когда бабушка пришла к нам, зимой, за двадцать километров, из Камы, в морозную, снежную зиму, по проведать первого внука, Петю, так вспоминали родители, так рассказывал мне дедушка. Принесла, бабушка, гостинцы, конфетки – манпосейки, в красивой металлической баночке. Я помню, эту красивую баночку, которая хранилась в шкафу, помню, даже в каком месте. Моё детское воображение постоянно привлекало посмотреть и подержать в руках, эту красивую баночку. Вот, что я помню с пятилетнего возраста.

Недолго бабушка пожила у нас на Луковке. По рассказам родителей, она сильно переживала за сына, Петра Калиновича, который в то время, после окончания Томского артиллерийского

училища, офицером служил в Красной армии. Похоронили бабушку в Каме, на старообрядческом кладбище.

Дорогой мой сын, Владимир, когда ты будешь читать биографические страницы жизни, возможно меня не будет в живых, но и через смерть, через небытие, я обнимаю тебя по отечески и не как привидение, а как, живой твой отец. Ты помнишь моё лицо, мой голос и пусть мои отцовские черты напоминают тебе обо мне, в минуты радости и минуты огорчения. Ведь жизнь – это очень сложная, тяжёлая штука. Пусть трудности работы, быта, станут тебе хорошей школой жизни. Живи так, чтобы не было мучительно горько, за бесцельно прожитые дни, на склоне лет твоих.

Мы вам, детям, внукам и правнукам, оставляем страну, Родину, Отечество, защищённую от фашизма и восстановленную, после жестокого разрушения. Будьте достойны отцов и матерей. Берегите славные боевые и трудовые традиции и преумножайте их.

Помни, Владимир, какой ценой досталась нам победа. Более двадцати семи миллионов человеческих жизней осталось на полях сражений. Злейший враг человечества – фашизм, уничтожен. Я счастлив и горд тем, что в трудную для Родины годину, своим трудом, вместе с Советским народом, приближал День Победы и восстанавливал народное хозяйство, разбитое гитлеровской Германией.

Осваивал целинные и залежные земли Советского Союза. Тридцать три года отдано службе Легендарной, непобедимой Советской армии. Я счастлив и горд, что дожил до семидесятой годовщины Великой Победы. Сегодня, в День Великой Победы, я призвал бы нашу молодёжь, бережно относиться ко всему, что связано с Великой Отечественной войной. Особенно важно помнить, среди вас, живут бывшие солдаты и труженики тыла. Относитесь к ним бережно. Советские солдаты и труженики тыла вынесли тогда тяжелейшие испытания, а сегодня, старая рана заговорила, здоровье шалит. Бывший фронтовик и труженик тыла не станут горько жаловаться, не та закваска характера. Будьте предусмотрительны, не оскорбляйте гордости. Относитесь к ним чутко и уважительно. Это очень малая плата за всё то, что они сделали для вас в 1941 – 1945 годы.

Пишу биографические страницы жизни, вспоминая девяностые годы, а на душе становится муторно. В далёкие, сороковые военные годы, десятки тысяч деревень России были крупными сельскохозяйственными производствами, кормили тыл и фронт. Ныне эти тысячи производств, в том числе и наша родимая Луковка, заросли травой, сплошным бурьяном. Мой брат, Владимир, летом 2014 года побывал на том месте, где когда то процветало наше родимое

гнездышко, где он работал управляющим фермы. Ахнул от увиденного. Там, где стоял наш родительский дом, где было обустроено всё для жизни сельчан, заросло сплошным кустарником.

Красивого села, на берегу реки Камы не существует. Девяностые годы, перестройка, коррупция, чиновничий беспредел сделали своё дело. Правительство и его окружение оставили без внимания участников, ветеранов, детей войны, проживающих в отдалённых районах. Незаживающие раны от равнодушия и несправедливости, жгут их сердца. Весь их военный и жизненный путь пропитан горькой слезой и обильно пролитой кровью.

Оглядываясь назад, говорят ветераны, дети войны, стыдно за страну, общество, в котором мы живём, в котором мы родились и выросли. Наша страна, страна победительница, живёт хуже стран побеждённых.

Ныне дети войны с маленькими пенсиями, незащищены от произвола ни сверху, ни снизу. Отчаяние, боль, горькая обида, всё смешалось в них, людях брошенных государством на выживание.

Пусть льётся смрадная река
Грозя культуре потепленьем
Я говорю через века
С грядущим новым поколеньем.

Заканчиваю свои биографические страницы, через семьдесят лет после войны. В свой восемьдесят пятый год рождения, можно сказать на ощупь, в полуслепое состояние, после двух лазерных операций, глаукомы, зрение основательно посажено. Много хотелось рассказать, оставить после себя на бумаге. Пусть простят меня родные мне люди, что если не сумел всем им воздать должное. Я буду благодарен и рад, если кто то, отзовется из далека, на биографические страницы, моей старческой жизни. Хочу сказать при этом: Ведь я не писатель и опыта для красочного изложения событий нет. Написал всё так, как мне рассказывали родные нам люди. Всё, что сам выстрадал и пережил, в те 1418 дней и ночей, в той, теперь далёкой, но незабываемой кровопролитной войне.

В тот самый длинный день в году
С его безоблачной погодой
Нам выдал общую беду
На все четыре года.

Пишу биографические страницы, проникаюсь в своё прошлое и как бы поговорил с самим собой. Каким я был, как жил, служил и работал, кто меня окружал, что видел и что пережил. Конечно, многое забылось, однако скажу: как и всем людям свойственно ошибаться, я не исключение. В работе, в делах службы, в делах житейских, допускал немало ошибок. Сейчас, на склоне лет, эти ошибки стали виднее, жизненный опыт многому учит. Много пережито, многое выстрадано. Однако скажу, я не ожесточился, не замкнулся в себе. Во всём закалила характер и волю армейская служба, ещё со времён командующего Уральским военным округом, маршала Георгия Константиновича Жукова. Он настойчиво учил и воспитывал нас, курсантов, бригадной школы, переносить тяготы и лишения армейской службы. Чётком выполнении приказов командиров и начальников. Всё это дало возможность прожить большую жизнь и прослужить в непобедимой легендарной Советской армии более тридцати лет.

*Память добрых дел есть лучшее,
Что мы можем даровать тем,
Кто живёт вместе с нами.
Память добрых дел, есть лучшее,
Что можем оставить тем,
Кто будет жить после нас.*

